

****w****

Если бы не доспехи Вейдера - и тот факт, что он уже сидит, - он думает, что ноги бы у него совсем отказали. Ему редко доводилось испытывать такой ужас, и он знает, ох как знает, на какие вещи способен его хозяин. Сидиус - не кто иной, как садист, и он уже давно считает Вейдера своим. Он знает, какова цена, что это значит для него самого, и он знает цену сопротивления. Сидиус знает. Это даже не кажется реальностью, потому что об этом не знают даже джедаи. Даже Оби-Ван не знает. Сила, это была ошибка. Он не должен был думать, что способен обмануть Сидиуса. О чем он только думал?

"Все будет хорошо". Голос Энакина врывается в его панику, и Вейдер рывком возвращается к реальности, поворачивает шлем, чтобы посмотреть на младшего. Энакин тоже напуган - его слегка трясет, - и... они ничего не могут сделать, пока не узнают, выживет ли Сидиус. Если да, то Вейдер знает, что у него, скорее всего, не останется другого выбора, кроме как исчезнуть, прихватив с собой Энакина. Неважно, что ему придется сделать, чтобы защитить Энакина от Сидиуса: он пойдет на все. Магистр ситхов и пальцем не тронет Энакина. Не тронет. Никогда.

Он встает, и, к удивлению или нет, ноги его держат - они ведь из дюрестила, как он полагает, - и движется к Энакину. "Возможно, - соглашается он, - но, возможно, и нет. Он не должен был догадаться об этом".

"Как же так?" спрашивает Энакин.

"Я не знаю", - отвечает Вейдер, кладя руку на плечо Энакина.

Младший воспринимает это как разрешение придвинуться ближе, что он и делает, обхватывая Вейдера руками. Уже не в первый раз Вейдеру хочется, чтобы он почувствовал это. Он хотел бы, чтобы ему было так же хорошо в этих объятиях, как и Энакину. Это несправедливо, и от этой мысли знакомый гнев поднимается вверх, заглушая тонущий в нем страх. Если хозяин найдет его, он до конца своего короткого существования не будет знать ничего, кроме боли.

Вейдер шевелит правой рукой, поглаживая кудри Энакина и с тоской вспоминая те дни, когда его тело было целым. Если ему когда-нибудь удастся выбраться из этой ходячей тюрьмы, он больше никогда не будет воспринимать ничего как должное. Сейчас они есть только друг у друга, и Вейдер может быть напуган до безумия - так оно и есть, - но если они будут вместе, то выживут. Он не может позволить себе быть пессимистом, не тогда, когда это означает, что инстинкт возьмет верх, инстинкты, которые кричат ему, чтобы он приполз обратно к ногам хозяина и умолял его о несуществующей пощаде, инстинкты, которые говорят ему подчиниться любому наказанию, которое может придумать его хозяин.

Он не может пройти через это снова. Он пришел сюда, чтобы сбежать, чтобы стать свободным. Он всегда обманывал себя, что он свободен, что он действует по своей воле под властью Сидиуса, хотя часть его знала правду, знала, что он никогда не был больше, чем домашний пес своего хозяина. Он - раб. Сидиус - хозяин. Так было всегда, и он хотел вырваться. Он хотел этого так сильно, что бросил осторожность на произвол судьбы и воспользовался первой же

возможностью сбежать. Он никогда не признает, что какая-то его больная, извращенная часть жалеет об этом, жалеет, что предал своего хозяина, жалеет, что пытался убить его, но это та часть его, которая умрет, прежде чем признает, что она есть.

Энакин боится, но он боится потому, что неудача может погубить их и всю галактику. Для Вейдера провал... это буквально сравнимо с подписанием себе смертного приговора. Энакин не знает ужасов, на которые способен Сидиус, и Вейдер хочет, чтобы так было и впредь. Он не хочет, чтобы младший познал боль, когда его оперируют в полном сознании, когда бьют током, пока он не перестанет ходить из-за разрушенных протезов. Сидиус - жестокий, мстительный мастер, и если Вейдер честен с самим собой, он скорее убьет Энакина, чем позволит ему попасть в подобное рабство.

Он хочет нарушить молчание, но уже не знает, как это сделать, и оно остается, затягиваясь, пока не начинает казаться натянутым. Энакин молчит, вжавшись лицом в броню Вейдера, прижимаясь к нему так, словно сам мир может рухнуть вокруг него, если он отпустит его. Им обоим страшно, и от такой близости их страх усиливается, но это лучше, чем быть одному. Это лучше, чем мучиться в углу комнаты, которая больше не является спальней - и никогда не сможет ею стать, потому что ее обитатель больше не может жить, как человек, - слишком напуганный, чтобы уйти, заикленный на ранних воспоминаниях, следуя укоренившемуся поведению молчать и оставаться маленьким, чтобы уменьшить гнев своего хозяина.

Однажды это случилось, и Вейдер пришел в ужас от собственного поведения, когда наконец вернулся к себе. В тот момент он так ненавидел себя, что в истерике подумывал о том, чтобы вонзить световой меч себе в грудь и посмотреть, сколько времени пройдет, прежде чем его разрушенное тело полностью отключится. В тот момент ему ничего не оставалось, как принять правду, открывшуюся перед его глазами: он снова продал себя в рабство; он стал таким рабом, которого ненавидят все рабы, - таким, который слишком сильно заботится о своем хозяине, чтобы уйти, который слишком сломлен, чтобы даже подумать о малейшем бунте, который готов на все ради хотя бы подобия заботы.

Ненависть, зародившаяся в нем тогда, с течением времени только росла и становилась все более извращенной. Временами она грозит поглотить его. Временами она заставляет его думать о самой ужасной и страшной смерти, которую он мог бы навлечь на себя, но он слишком труслив, чтобы довести дело до конца. К тому же, с горечью думает он, если и это ему не удастся - еще один провал, всегда провал, видишь, почему ты никому не нужен? - Хозяин заставит его пожалеть об этом так основательно, что он закроет глаза при одной мысли об этом. Скорее всего, он не заслуживает того, чтобы вырваться из своего жалкого существования, - он сам навлек его на себя. Он заслуживает этого и многого другого.

Он надеется, что Энакин никогда не поймет, насколько темным, извращенным и сломанным является его разум. А если и поймет, то убежит и не оглянется, и Вейдер не сможет его в этом винить.

"О чем бы ты ни думал, остановись", - приказывает Энакин, поднимая голову. "Я не могу читать твои мысли, но я определенно чувствую... ненависть".

Вейдер бы зарычал, если бы вообще мог, но он послушно заставляет свои мысли остановиться, прежде чем совершить что-то необдуманное, и сосредотачивается на чисто светлом присутствии рядом с ним. Энакин - хороший, светлый там, где он темный... и Вейдер не заслуживает его. Он не заслуживает того, чтобы увидеть человека, которым он мог и должен был стать. Сейчас он с острой, колющей болью сожалеет о том, что пытался заставить Энакина принять Темную сторону. Он не хочет, чтобы эта подпись Силы была такой же противоречивой и опустошенной, как раньше. Может быть, ему следует позволить Энакину делать то, что ему нужно, как будто кто-то из них вообще знает, что это такое. Но это уже мысли для другого раза, полагает он.

Сила пульсирует, две вещи меняются одновременно. Сидиус мертв, Вейдер чувствует это, и никогда в жизни он не испытывал такого облегчения. Как будто исчезла огромная тяжесть, призрак его хозяина, наконец, исчез. Во-вторых, джедаи выходят из гиперпространства.

"Защищайся", - говорит он Энакину, окутывая себя Силой так плотно, что сомневается, смог бы его почувствовать даже Энакин, если бы не их связь. "Джедаи уже здесь. Давайте отправимся на уровень тюрьмы, чтобы поприветствовать их".

****W****

Первый этап плана проходит без заминок, и вскоре Оби-Ван уже ведет своих коллег-джедаев и их клонов по коридорам Цитадели, стараясь избегать патрулей дроидов, пока они движутся к тюремным помещениям. Как бы он ни старался сосредоточиться на плане и ситуации, он не может не замечать присутствия Энакина. Это именно то задание, на которое их отправили бы вместе, и Оби-Ван жалеет, что его здесь нет. Он хотел бы, чтобы ему не приходилось ходить по этим коридорам, испытывая постоянный страх, что его лучший друг окажется здесь и нападет на него.

Но как бы это его ни беспокоило, гораздо больше его волновала Асока. Он позволил ей прийти, потому что знал, что она нуждается в этом; ей нужна сложная задача, чтобы отвлечься от того, что случилось с ее мамой и Энакином. Оби-Ван отчаянно нуждается в длительной медитации - и Асока тоже, если уж на то пошло, - потому что он искренне не понимает, что чувствует.

Энакин, его лучший друг, его бывший падаван, - сепаратист, и он активно работает против Республики. Это кажется таким нелепым, таким абсурдным, и все же это правда. Даже сейчас Оби-Ван ничего не понимает. Энакин говорил, что пытается положить конец Войнам клонов, но лгал ли он? Или Вейдер обманул его? Он, конечно, надеется на последнее, но, учитывая, как сильно все изменилось, Оби-Ван больше не знает, и это больно.

Как ни странно, на пути к тюремному уровню дроидов не так много. Что-то в Силе... не так, но он не может определить, что именно. Как будто Сила впала в смятение и пытается восстановить равновесие.

"Что-то изменилось, - негромко говорит ему Винду, когда они сворачивают за угол, в последний коридор перед тюремными камерами, где должен находиться Пиэлл. Другого безопасного

места для содержания сенситивов Силы здесь нет, если только тюрьма не была кардинально изменена Сепаратистами. "Сила... разбалансирована, и точки Шаттера внезапно сместились".

"Вы знаете, что произошло?" спрашивает Оби-Ван, когда Вос вместе с Асокой проскальзывает мимо, чтобы проверить тюремные камеры. Клоны ждут в конце коридора, бластеры наготове.

Винду качает головой. "По какой-то причине я не могу определить это. Сила затуманена и... неуловима".

Они могли бы продолжить разговор, если бы Асока не вернулась с озадаченным выражением лица. "Там никого нет", - поспешно сообщила она им. "Я чувствую присутствие мастера Пиэлла в одной из камер, но она пуста".

Оби-Ван и Винду обмениваются взглядами, оба понимая, что это значит. "Мы опоздали, - мрачно говорит он, чувствуя, как его охватывает чувство безнадежности. Без этих координат Республика обречена, если Вейдер продолжит наступление, особенно с Энакином на его стороне".

Винду окидывает группу взглядом, прежде чем повернуться. "Тогда нам лучше поторопиться и уйти, пока нас не обнаружили".

Никто не возражает, и настроение в этот раз гораздо более мрачное и подавленное, чем было, когда они вошли. Надежды, которые были у Республики, теперь резко уменьшились. Когда они покидают тюремный уровень, Оби-Ван замечает одну странность: многие - фактически все - взрывные двери в коридоре были закрыты. Он уверен, что они не были такими, когда они вошли.

Сила предупреждающе щелкает, и вдруг взрывная дверь в конце коридора захлопывается, перекрывая основной выход. Они в ловушке, если только не развернутся и не пойдут назад; прорубаться через двери будет слишком долго, а они понятия не имеют, как далеко им нужно идти. В этот самый момент начинают звучать сигналы тревоги, яркое освещение в зале мерцает и гаснет, приобретая более красноватый оттенок. В ту же секунду в коридоре раздается слишком знакомый звук респиратора, и два ярких присутствия Силы - одно светлое, другое темное - дают о себе знать. Это была ловушка.